

Е.М. Копоть

Антиохийская православная церковь и русское присутствие в Сирии при патриархе Герасиме (1885–1891 гг.)

Статья посвящена деятельности Антиохийского патриарха Герасима и русскому влиянию на жизнь патриархата в этот период. Анализ материалов Архива внешней политики Российской империи позволяет по-новому взглянуть на проблему греко-арабского противостояния в Антиохийской церкви, русского влияния на ее жизнь и дать более взвешенную оценку личности патриарха Герасима, используя ранее не известные факты из истории Антиохийского патриаршего престола конца 80-х – начала 90-х годов XIX века.

Ключевые слова: Христианский Восток; Россия и Православный Восток; Сирия; Антиохийский патриархат; греко-арабское противостояние в Антиохии; православные арабы.

История Антиохийского патриархата и его контактов с Россией в конце XIX века изучена сравнительно неравномерно. Классическую работу английского историка Дерек Хопвуда отличает заметная узость источниковой базы [12], а отечественную историографию в целом характеризует небольшое количество специальных работ, посвященных данной теме [5; 6; 10]. Между тем ключевые сюжеты XIX – начала XX века, такие как противостояние «пасущих и пасомых» и арабская церковная революция 1898 года, которым традиционно уделяется пристальное внимание, не могут быть корректно интерпретированы без рассмотрения предшествовавшего периода. Малоисследованными оказываются 80–90-е годы XIX столетия — время правления патриарха Герасима (1885–1891 гг.). Использование материалов Архива внешней политики Российской империи (ф. 180 «Посольство в Константинополе», ф. 208 «Консульство в Бейруте», ф. 337/2 «Российское Императорское Православное Палестинское Общество») и Российского государственного исторического архива, в том числе впервые вводимых в научный оборот, позволяет в новом свете представить ряд дискуссионных проблем. Среди них наиболее сложными являются вопрос о масштабах русского влияния в Сирии, характере греко-арабского противостояния в Антиохийской церкви, виновницей которого зачастую изображается Россия¹, оценка личности и деятельности патриарха Герасима.

¹ Так, Д. Хопвуд замечает, что «рост национального самосознания, желание арабов отстаивать свою независимость и собственную идентичность взлелеяны Россией, которая всегда была готова ловить рыбу в мутной воде» (Hopwood D. Op. cit. P. 159), тем самым прямо обвиняя ее в разжигании филетической розни между греками и арабами Антиохийского патриархата. Необходимо подчеркнуть, что как в работе Н.Н. Лисового, так и М.И. Якушева отчетливо прослеживается влияние оценок Д. Хопвуда.

После подчинения Сирии Османской империей в 1516 году местное православное население было включено в состав общеимперского сообщества верующих — православного миллета. Его возглавлял Константинопольский патриарх, выступавший в качестве духовного и отчасти светского лидера всех православных христиан [2: с. 30–32]. Выполняя важные функции при османском дворе и пользуясь столичным положением, греки-фанариоты² стали доминировать в иерархии поместных церквей империи, в том числе Иерусалимского и Антиохийского патриархатов.

В таких условиях Антиохийская церковь к середине XIX века превратилась в своеобразный периферийный «филиал» монастыря Святого Гроба Господня в Иерусалиме (Святогробского братства) — замкнутой греческой монашеской корпорации, из среды которой выходили патриархи для соседнего патриаршего престола. Русский генеральный консул в Бейруте К.Д. Петкович так описывает сложившиеся между этими церквями отношения: «Они (Патриарх Герасим и Монастырь Св. Гроба Господня. — *Е.К.*) желают, чтобы Антиохийский престол был навсегда связан с Иерусалимским, чтобы можно было, между прочим, сбывать туда выгодным и почетным образом Епископов, оказывающихся беспокойными и опасными соперниками и соискателями в Иерусалиме» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 247). Внутри Святогробского братства царил дух жесточайшей конкуренции, легко объяснимой тем, что палестинские святыни, превратившись в доходные места, сулили немалые выгоды их держателям. Достаточно сказать, что состояние игумена храма Св. Гроба Господня в конце XIX века оценивалось в 5 млн франков, а годовой доход Иерусалимской патриархии в 1892–1893 годах составлял 1550 тысяч франков (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3363. Л. 109 об.). Настоятельство в монастырях у знаменитых мест поклонения и патриарший престол в Иерусалиме становились предметом соперничества и объектом купли-продажи среди монахов братства. Проигравший в этой борьбе вытеснялся в соседний, менее престижный Антиохийский патриархат, доходы которого за 1885–1891 годы составили всего 1,5 млн пиастров (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 106 об.). Неудивительно, что на такое перемещение иерархии смотрели как на почетную ссылку, мечтая вернуться в Иерусалим.

Итогом сложных взаимоотношений Дамаска и Иерусалима стала ситуация, когда во главе арабской паствы Антиохийского патриархата в течение XIX века стояли выходцы из святогробского греческого монастыря Иерофей (1850–1885 гг.), Герасим (1885–1891 гг.), Спиридон (1891–1898 гг.), бывшие ранее претендентами на патриаршую кафедру в Иерусалиме.

В полной мере «святогробская» корпоративная культура нашла отражение в судьбе и деятельности патриарха Герасима. После смерти Антиохийского патриарха Иерофея, управлявшего церковью 35 лет, местные архиереи не смогли выдвинуть из своей среды единого кандидата, что дало возможность

² От названия квартала Фанар, в котором находилась резиденция Константинопольского патриарха в Стамбуле.

Иерусалимскому патриарху Никодиму выставить кандидатуру Скифопольского митрополита Герасима, являвшегося серьезным конкурентом ему самому. Не жалея денег на бакшиши генерал-губернатору дамасского вилайета Хамди-паше, директору политического департамента Халиль-эфенди-Хури и дамаским старшинам, патриарх Никодим в 1885 году истратил на выборы Герасима более 3000 турецких лир (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 87–87 об.) и даже передал новоизбранному патриарху 1000 турецких лир на путевые расходы. При таких обстоятельствах 29 мая 1885 года патриарший престол «великаго Божьяго града Антиохии и всего Востока» занял греческий подданный родом с полуострова Пелопоннес, хорошо образованный, владевший арабским языком секретарь Иерусалимского патриарха Герасим (Протопапас)³ (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 75).

Перед «лишенной красок», по мнению английского историка Д. Хопвуда [12: р. 163], личностью нового Антиохийского патриарха встали вопросы защиты интересов православного населения перед Османским правительством, борьбы с католической пропагандой, замещения вдовствующих митрополичьих кафедр, открытия духовной семинарии.

В случаях частых притеснений сирийских христиан как со стороны мусульман, так и воинственных друзов Ливана и Хаурана именно патриарх являлся главным ходатаем перед Османским правительством о защите своей паствы. Новоизбранный патриарх весьма примечательно проявил себя в этом качестве.

24 января 1888 года в христианском квартале Мазраа в Бейруте произошла массовая драка христиан и мусульман. Причиной столкновения кроме обычной неприязни между христианами и мусульманами стало еще и враждебное отношение (на почве контрабанды) христианского населения к сторожам «табачного откупа, которые вербуются исключительно между мусульманами» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53). Мусульмане собрались в квартале Мазраа, «чтобы наказать молодых людей, христиан, которые за несколько дней раньше оказали сопротивление нападению, сделанному на них со стороны мусульман, гвардионов табачного откупа». В результате самих беспорядков и дальнейших

³ Протопапас Константин (1839/41, Астрас (Пелопоннес) — 9.02.1897, Иерусалим). Племянник Лиддского архиеп. Герасима; по обычаю Святогробского братства, в детском возрасте был вызван им в Палестину для приготовления к духовной карьере. Обучался в школе монастыря Св. Креста под Иерусалимом и на математическом факультете Афинского университета. По возвращении в Палестину (1866 г.) преподавал в Крестной школе. Ок. 1870 г. принял монашеский постриг с именем Герасим и был возведен в сан архимандрита. После 1873 г. Герасим занимал различные посты в аппарате Иерусалимской патриархии, с 1877 г. титулярный митр. Филадельфийский. От имени Иерусалимского патриархата участвовал в работе Берлинского конгресса 1878–1879 гг., добиваясь возвращения святогробских имений, конфискованных в 1863 г. в Румынии. Впоследствии пребывал в Стамбуле в должности представителя Иерусалимской патриархии. Во время борьбы за замещение Иерусалимского престола в 1882–1883 гг. выдвигался кандидатом на патриаршество, активно выступал против кандидатуры Никодима. Никодим после избрания в патриарха поторопился убрать Герасима из Стамбула и в 1884 г. отозвал в Палестину, возведя в сан митрополита Скифопольского [7: с. 154].

действий по их подавлению со стороны солдат и жандармов больше всего пострадали христиане, в числе которых было более 30 раненых, двое из которых умерли (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53 об.).

Основательница русской православной школы в Бейруте М.А. Черкасова оказалась свидетельницей разыгравшегося 22 января первого столкновения: «Я слышала крики и плач и думала сначала, что это пожар... не замечая ни с какой стороны ни пламени, ни дыма, спрашиваю: да где же огонь? — Какой огонь! Не огонь, а убийство, дерутся, стреляют, ранят, мучат, убивают; помощница плачет, прислуга боится, старик-сторож хотя и бодрится, но, видимо, тоже трусит... Сегодня утром собрались некоторые детишки и все с испуганными лицами... и видимо некоторые из старших девочек пришли сегодня лишь для того, чтобы поговорить об этом, выразить свое сожаление и сочувствие, что я одна здесь, что они боятся, как бы меня не убили» (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 62–62 об.).

Кроме того, введенные в беспокойный квартал плац-комендантом Османпашой солдаты, «бесновавшиеся в квартале Мазраа» «под предлогом охранения общественного спокойствия», еще в течение недели оставались там, предаваясь грабежу имущества в домах и лавках (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 52). Родители детей в отчаянии искали последней защиты у М.А. Черкасовой, которой, дабы не навлечь на себя подозрения в политических интригах, приходилось отсылать их в консульство, говоря: «Дело не мое, мое дело — школа, а вы можете обращаться к консулу. На этот совет они приходят чуть не в отчаяние, с плачем выкрикивая: все нас отсылают от себя: один консул к другому, а этот к митрополиту и вы тоже, а нам есть нечего; малые дети хлеба просят, а у нас и муки нет, наши поденщики-работники мужья до семидесяти человек в тюрьме засажены, а если в какой семье и остался кто-либо из мужчин, то он или лежит, изнемогая от ран, или прячется где либо в доме, боясь выйти и попасться на глаза Туркам. По ночам солдаты врываются к нам в дом, под предлогом обыскивания укрывающихся, и отбирают у нас последний кусок хлеба, поедая сваренную пищу и побивая после посуду» (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 69 об.) К.Д. Петкович советовал М.А. Черкасовой не слушать жалоб и не подавать повода к подозрению со стороны турецких властей⁴.

Под влиянием бейрутского кади Рамиз-бея бейрутский мутесариф Несухи-бей, стремясь оправдать жестокости при восстановлении порядка,

⁴ Это была трудноисполнимая рекомендация, так как в среде православных доминировали ожидания от единой России спасения от турецкого владычества. В 1897 г. А.Е. Крымский, оказавшись в Табише (на Ливане), был встречен вопросом молодой ливанки: «Когда же русские придут забрать нас?» Этот вопрос, как он замечает, «был предложен тоном совершенно беззаботным, просто в силу привычки». Когда же он поинтересовался, почему русские должны забрать их, ливанка не задумываясь ответила: «Да ведь мы — русские подданные, московские» [4: с. 175]. «А иные крестятся и говорят: Мы Москоб, то есть православные, что однозначуще для них», — фиксировала то же отношение населения М.А. Черкасова в 1888 г. (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 71 об.).

представил дело как бунт христиан против власти (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 52). В итоге 87 христиан были привлечены к суду (впоследствии благодаря взятке в 10 000 фр., собранной общиной, виновными были признаны только 20, из которых лишь четверых заочно приговорили к каторжным работам) (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 128), что вызвало протесты российского посольства в Константинополе. Первый драгоман посольства И.А. Иванов провел переговоры как с Великим визирем Камиль-пашой⁵, высказавшимся в пользу беспристрастного разбирательства дела Рамиз-беем (пометка на секретном донесении № 48 Генерального консула в Бейруте в посольство в Константинополе от 16 февраля 1888 года: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 51), так и с министром иностранных дел Саид-пашой, который, имея опыт службы в Бейруте, согласился с доводами посольства об отсутствии христианского мятежа и обещал ходатайствовать перед министром внутренних дел (пометка на донесении № 147 Генерального консула в Бейруте в посольство в Константинополе от 8 августа 1888 г.: АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 158).

В то же время совершенно неожиданной для всех оказалась позиция патриарха. По желанию сирийского вали Нашид-паши, старавшегося найти в этом деле иностранную интригу, он «прислал в Бейрут своего архимандрита Афанасия... и советовал православным старшинам и духовенству держать себя подальше от Консулов (от русского!) и не допускать жителей к каким бы то ни было протестам и жалобам против местных властей, вместо того, чтобы самому протестовать энергично и пожаловаться перед Генерал-Губернатором и Портою против тяжких обвинений, взводимых Бейрутскими властями... на православных Сирийцев», что выясняется из секретного донесения № 48 от 16 февраля 1888 года генконсула в Бейруте К.Д. Петковича императорскому послу в Константинополе А.И. Нелидову (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 56 об.). Не желая оставаться под бременем обвинений в мятеже, община во главе с митрополитом Гавриилом (Шатилой) решила отправить депешу султану с выражением своих верноподданных чувств. Ее проект был послан к патриарху «вместе с письмом от Митрополита и старшин, в котором заключалась просьба к нему о поддержке и изложение жалобы на разные поступки и действия местных властей и местных мусульман. Его Блаженство удержал у себя проект депеши, а письмо поспешил сообщить лично Сирийскому Генерал-Губернатору, который в свою очередь переслал его Бейрутскому Мутесарифу к сведению и руководству» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 57–57 об.). Такой беспрецедентный поступок, о котором община узнала через православного драгомана мутесарифа, вызвала соответствующую реакцию:

⁵ Камиль-паша Кыбырлы (1822–1913) — видный государственный деятель Османской империи, в 1885–1891 гг. великий визирь. Уроженец о. Кипра (отсюда его прозвище Кыбырлы, т. е. киприот. Во внешней политике Камиль-паша на всем протяжении своей деятельности ориентировался на Англию. По отношению к другим великим державам, в том числе к России, Камиль-паша занимал сдержанную, но в общем уступчивую позицию [1: с. 854–855].

«Все старшины глубоко возмущены и опечалены таким поступком со стороны своего высшего духовного Пастыря и называют его не иначе, как явною изменою или искательством перед Генерал-Губернатором, для зарекомендования своего усердия и своей верности ценою пренебрежения или жертвования интересов всей своей паствы» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 58).

Подобное поведение Герасима (Протопапаса) можно считать довольно характерным. Во все время управления патриархатом он крайне неохотно шел на конфликт с турецкими властями. Боясь быть обвиненным в контактах с русским консульством, он оставлял дело защиты своей православной паствы российскому посольству в Константинополе. Так, в ходе разбирательства по данному делу генерал-губернатор Ливана Васса-паша на запрос от Порты категорически отвечал, что «в этом инциденте не было ни бунта, ни чего-либо другого, похожего на политическое дело или преступление» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 53). Это сравнение неизбежно приводит к неутешительному выводу о том, что патриарх Герасим старался быть «турком» более, чем сами турки.

Похожей тактики он придерживался и в отношениях с католиками. После появления в 1886 году в Бейруте брошюры греко-католиков (униатов), порочащей православную общину, русскому генеральному консулу «стоило больших усилий убедить его в необходимости повидаться с Сирийским Генерал-Губернатором, чтобы обратить его внимание на интриги и действия униатов против православной церкви» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 55 об.). Итогом таких нерешительных действий со стороны иерарха стало появление нескольких «анонимных писем, в которых упрекают его в лени и бездействии, а также в пренебрежении существенными правами и интересами Православной Церкви и православных жителей, к ограждению и охранению которых он призван» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 54 об.-55). Объяснение такому стилю поведения современники находили в нерешительности характера патриарха или в незнании им турецкого языка. Однако такой взгляд, как кажется, не учитывает некоторые особенности биографии патриарха и прежде всего его желание занять куда более привлекательную иерусалимскую кафедру. С этой точки зрения, политика (пусть и в ущерб интересам паствы), исключая возможность обвинения его Портой в русофильстве или неблагонадежности, представляется практически безупречной.

В вопросах финансовых патриарх был заметно активнее. Герасим на первом же собрании Синода в 1885 году обратился к митрополитам с просьбой о двукратном увеличении ежегодного приношения от епархий («нурии») (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 108 об.). В целях увеличения доходов он совершил объезд всех епархий, до того не видевших своего архипастыря (Иерофея) более тридцати лет. Начав с Хамы, он посетил Хомс, Хусн, Сафиту, Аккар, Триполи, Куру (на Ливане), Латакию и Антиохию, Бейрут. Это путешествие принесло ему около 1000 тур. лир, из которых больше половины было отдано в счет долгов Герасима в Иерусалиме и Константинополе (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 60 об.). Причины долгов скрывались в общей культуре иерусалимского

греческого монастыря, довольно метко схваченной в главных чертах В.Н. Хитрово в 1881 году: «Каждый ведет борьбу против всех, с целью получить более доходное место, а при случае патриаршее достоинство, а так как для всякой борьбы, для всякой интриги, а особенно на востоке, необходимы деньги, то погоня за ними сделалась, к крайнему прискорбию, отличительною чертою большинства членов святогробского братства» [8: с. 63].

Характерным в данном контексте оказалось судебное разбирательство, причиной которого было стремление патриарха завладеть доходами Антиохийского подворья в Москве.

С 1879 года Антиохийским патриаршим подворьем в Москве заведовал архимандрит Христофор (Джибара), который «оказался патриотом» и сумел за семь лет своего управления выстроить на территории подворья несколько домов, чем увеличил его доходы более чем в пять раз (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 799). Узнав об увеличении доходов и «желая распоряжаться ими бесконтрольно», Герасим отрешил от должности настоятеля и попытался заменить его одним из монахов Святогробского братства, чем спровоцировал длительный конфликт с участием российского Св. Синода.

В контексте историографической проблемы «греческой ксенократии» в Антиохийском патриархате важно отметить следующую деталь. Во время объезда патриархата в 1887 году Герасимом был рукоположен Епифанийский (Хама) епископ Григорий, молодой (чуть более 30 лет) араб, уроженец Дамаска, который являлся братом архимандрита Христофора (Джибара).

Подводя итог этой стороне деятельности патриарха Герасима, нужно подчеркнуть тот факт, что «когда Герасим приехал в Дамаск в 1885 году, у него не было денег даже на путешествие, а когда оставил патриарший престол, оказалось, по счетным книгам Патриархии, что через его руки прошло 1 ½ миллиона пиастров гласных патриарших доходов» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 106–106 об.). При этом патриарх всеми силами старался избегать каких-либо трат на общественные нужды.

Усилия католической и протестантской пропаганды, открытие миссионерами общедоступных («даровых») школ и коллегий ставили на повестку дня вопрос об учреждении в пределах Антиохийского патриархата духовной семинарии. «Униаты, которых число в Сирии не превышает 60 тысяч душ, имеют две духовные семинарии и несколько высших светских коллегий, а в пределах православной Антиохийской патриархии, с православным народонаселением в 300 тысяч душ, — не имеется ни одной духовной семинарии, и никаких светских высших училищ», — доносил 28 июля 1893 года генеральный консул в Бейруте вице-директору Азиатского департамента МИД Д.Л. Лисовскому (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 585).

С 1885 года патриарх Герасим публично обещал открыть в Дамаске патриаршую семинарию, однако под предлогом нехватки средств не выполнил этого вплоть до своего отъезда в Иерусалим. Как образно описал эту ситуацию

российский консул в 1886 году, его просят дать хлеб насущный, а он отговаривается тем, что не может «дать жареных фазанов» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1334. Л. 53 об.). Дело, как представляется, было не в том, что умный и образованный Герасим не понимал необходимости этой меры. В июле 1887 года, после поездки по епархиям, он так описывал состояние вверенной его попечению паствы: «Нельзя без сокрушения сердца говорить о глубоком невежестве народа и духовенства... Я сам никогда не мог бы поверить, что может существовать в Сирии такое состояние, если бы своими глазами не видел всего этого и своими руками не коснулся его» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1335. Л. 115). В то же время, принимая во внимание только официальные доходы патриархии, нельзя сказать, чтобы Герасим был лишен возможности открыть хотя бы небольшую семинарию. Таким образом, единственным мотивом, объясняющим поведение патриарха, можно считать его нежелание совершать траты на местные нужды, имея в виду какие-то будущие цели. «Все Патриархи, выходящие из Святогробского греческого монастыря, действующие в Сирии, не обращали и не обращают никакого внимания на религиозные и общественные интересы местного православного народонаселения. Так как все заботы их обращены главным образом на приобретение как можно больше денежных средств, то упадок православия и уменьшение православной паствы не особенно беспокоили их. Напротив, они рады были бы, чтобы число местных православных уменьшилось бы, в том предположении, что чем меньше будет православных, тем меньше они будут тратить... на поддержание православия и православных», — писал в преддверии выборов нового патриарха в 1891 году К.Д. Петкович, имея в виду резкое расхождение интересов России и святогробских иерархов в Сирии (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 117–117 об.).

Отсутствие семинарии было тем более ощутимым, что при освобождении митрополичьих кафедр их было нечем замещать, за неимением подготовленных кандидатов.

За шесть лет патриаршествования Герасима из-за смерти архиереев оказались вакантными митрополии Епифанийская (Хама), Эмесская (Хомс), Селевкийская (Захле), Триполийская, Амидская (Диарбекир), Аркадийская (Аккар), а также переданная в ведение Антиохийской церкви Веррийская (Алеппо) епархия, бывшая до этого в юрисдикции Константинопольского патриархата. Исходя из расхожих представлений об определяющем влиянии националистического мировоззрения на жизнь Антиохийской церкви, можно было бы ожидать замещения митрополичьих кафедр «святогробскими» греками. Однако здесь мы бы ошиблись. На все кафедры были назначены местные уроженцы-арабы, за исключением грека Никодима, который принадлежал к местному клиру и был дьяконом покойного патриарха Иерофея, а затем игуменом монастыря Св. Пророка Илии.

Ответ на вопрос, почему иерусалимские греки не занимали кафедр в Антиохии, лежит в простом сравнении доходов. Например, Веррийской (Алеппо)

епархии на содержание местного епископа выдавалась из Константинополя субсидия в 12 тысяч пиастров (около 3 тыс. фр.) в год (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1337. Л. 112 об.), в то же время доход скевофилакса⁶ храма Св. Гроба Господня превышал 700 тыс. франков. Аналогичные пропорции были в доходах и других митрополитов. Для святогробцев подобное служение могло казаться скорее суровой ссылкой, чем почетным назначением. Греческий иерарх мог взяться за эту ношу либо из соображений фанатичного панэллинизма, либо при материальной поддержке патриарха. Ни того ни другого не наблюдалось. Поэтому единственными претендентами на места епархиальных начальников оказывались или местные уроженцы, или архиереи из греков Антиохийского патриархата, желавшие перемены своей митрополии на епархию с более многочисленной и состоятельной паствой, которая могла бы давать им средства к существованию. В итоге к 1891 году в Триполи, Хаму, Хомс и Захле были назначены митрополитами сирийские уроженцы. Это были Григорий Хаддад, Григорий Джибара, Афанасий Аталла и Герасим Яред соответственно.

Характерна ситуация, сложившаяся в Алеппо. В 1889 году Синодом и патриархом на должность митрополита был избран дамаский уроженец архимандрит Герасим (Масарра), управлявший приходом в Александрии (в Египте). Однако зная, что епархия очень бедна и что патриарх Герасим не может выдавать ему того пособия, которое ранее отпускалось из Константинополя, Герасим (Масарра) отказался принять предложенную ему епархию. Как доносил по этому поводу в Петербург российский консул: «...он предпочел остаться в Александрии с простым титулом Архимандрита, чем бедствовать в Алеппо с громким титулом Митрополита» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1337. Л. 113). Впоследствии данная кафедра была предложена диакону Бейрутского митрополита Гавриила — Григорию (Хаддаду), но и это предложение постигла аналогичная участь. До своего отъезда в Иерусалим Герасиму так и не удалось найти желающего занять Веррийскую (Алеппо) кафедру. Иными словами, предположив (в духе Д. Хопвуда) наличие развитой арабской национальной идеи среди духовенства патриархата, его готовность к самопожертвованию в борьбе с эллинским засильем, мы бы рисковали не найти этому ни одного примера. Арабские архимандриты предпочитали оставлять митрополичьи кафедры вакантными, нежели рисковать своими доходами.

В то же время все филэллинство патриарха Герасима выразилось в переводе митрополита Никодима из бедного Диарбекира, насчитывающего не более 1000 душ православных, в освободившуюся Аркадийскую епархию. Более того, после его отъезда в Иерусалим две епархии так и остались вакантными (Веррийская и Амидская), а третья (Эрзерумская) управлялась престарелым и недееспособным архиереем (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 177).

⁶ Скевофилакс (*греч.* сосудохрани́тель) — духовное лицо, которому поручалось хранить священные сосуды и церковную утварь [9]. В действительности же он управлял всей хозяйственной жизнью патриархии.

Поэтому ситуация, при которой большинство Синода составляли местные уроженцы арабской национальности, выглядит естественно, если принять во внимание, что других претендентов на епархии Антиохийской церкви, не имевших доходных святынь, просто не существовало.

Одновременно и со стороны митрополитов-арабов вряд ли можно усмотреть пробуждение национального чувства. Их наиболее активная часть стремилась скорее к перемене своей епархии на более выгодную, нежели к борьбе за арабское единство. Эдесский митрополит Агапий (*in partibus*)⁷ — один из виновников Триполийской церковной распри — готов был оставаться без епархии, но при патриархе (греке Иерофее), чем стать Директором православной коллегии в Кефтине на Ливане. Впоследствии он использовал поддержку патриарха-грека Герасима для смещения законного митрополита Софрония (Наджара) [3: с. 83–94]. Не лучше был и принявший русское подданство в 1876 году Селевкийский (Захле) митрополит Герасим (Яред), который участвовал в Триполийской расправе с целью перейти из Захле в Триполи (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 57 об.). Во всех случаях их соперниками были митрополиты арабской национальности.

В результате святогробских интриг в августе 1890 года был смещен Иерусалимский патриарх Никодим, а его место в 1891 году занял Антиохийский патриарх Герасим. «Единственное важное событие, совершившееся во время его патриаршества в Сирии, — это возвращение Антиохийской Патриархии Алеппской Епархии; но нельзя сказать также, чтобы это воссоединение было к добру, потому что пока эта Епархия зависела от Вселенского Патриарха, имела своего Архиерея, а теперь остается без онаго», — так скептически описывал его управление К.Д. Петкович (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 165–165 об.).

Подводя итог, необходимо сказать, что деятельность патриарха Герасима, «хорошо образованного, умного, набожного и незлого человека» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 161), как его характеризовал наш бейрутский дипломатический агент, была производной от общих отношений между Иерусалимом и Дамаском. Стремление всеми возможными средствами (в том числе и сопряженными с нарушениями церковного мира, как, например, в Триполи) увеличить свои доходы и свести к минимуму любые траты (в виде открытия духовной семинарии), боязнь испортить в глазах Порты свою репутацию благонадежного подданного, вкупе с последующим его избранием патриархом Иерусалимским, могут найти объяснение лишь в контексте отношения патриарха к своему избранию на Антиохийский престол как явлению временному. При этом версия об идеологии панэллинизма (иными словами, обвинение в филетизме) как основе его деятельности не находит своего подтверждения при рассмотрении вопроса о замещении вакантных митрополичьих кафедр.

⁷ *In Partibus* (сокр. от *lat. episcopus titularis in partibus infidelium* — «титулярный епископ в стране неверных») — обозначение титулярного митрополита, не имеющего своей епархии, носящего историческое название города, которого уже не существует или находящегося на неправославных территориях. В последующем сохраняло память о христианских территориях, попавших в руки неверных (Boudinhon A. *In partibus infidelium* // *The Catholic Encyclopedia*. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>).

Таким образом, главным недостатком «святогробского» патриарха оказывается не его принадлежность к греческой нации, а сознание преходящего характера его правления в Дамаске. Не имея ничего против рукоположения митрополитов-арабов, особенно если это сопровождалось денежными подношениями (как в Триполи), он под любым предлогом отказывался заниматься проблемой духовной семинарии и образования в епархиях, что не могло не отражаться негативно на церковной жизни патриархата.

Выходом из сложившейся ситуации мог стать патриарх, избранный из числа членов местного Синода, который видел бы благо Антиохийской церкви своим благом, к какой бы нации он ни принадлежал. Придерживаясь такого взгляда, Россия стремилась через консульскую защиту (пример — инцидент в Мазраа), обучение сирийцев в русских духовных семинариях (Герасим Яред и др.), материальную помощь, улаживание церковных конфликтов (Триполи) к сохранению сирийского православного населения, не без основания считая, что «главные опоры и основы нашего влияния на Востоке составляли и составляют еще православие и православные. Где этих основ не имеется, там мы чувствуем себя изолированными и не имеем под собою надежной материальной почвы» (АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 445 об., 446). Целью русской политики было сбережение православного населения, его воспитание в религиозном духе вне зависимости от его этнической принадлежности.

Литература

1. Дипломатический словарь / Ред.: А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1948. 855 с.
2. Иванов Н.А. Система миллетов в Арабских странах XVI–XVII вв. // Восток. 1992. № 6. С. 29–40.
3. Копоть Е.М. Триполийская церковная распря (1887–1890) в контексте русского влияния в Антиохийском Патриархате в конце XIX в. (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2012. № 4. С. 83–94.
4. Крымский А.Е. Письма из Ливана. 1896–1898. М.: Наука, 1975. 342 с.
5. Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.
6. Панченко К.А. Взаимоотношения османского правительства и православной общины Арабского Востока в XVI – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 334 с.
7. Православная энциклопедия. Т. 11. М.: Православная энциклопедия, 2006. 752 с.
8. Хитрово В.Н. Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 1. / Издание В.Н. Хитрово. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1881. 132 с.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910. 574 с.
10. Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е – начало XX века. М.: Индрик, 2013. 536 с.
11. Boudinhon A. «In partibus infidelium». The Catholic Encyclopedia. Vol. 8. NY: Robert Appleton Company, 1910. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>.
12. Hopwood D. The Russian presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969. 232 p.

References

1. Diplomaticeskij slovar' / Red.: A.Ya. Vy'shinskij, S.A. Lozovskij. T. 1. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry', 1948. 855 s.
2. *Ivanov N.A.* Sistema milletov v Arabskix stranax XVI–XVII vv. // *Vostok*. 1992. № 6. S. 29–40.
3. *Kopot' E.M.* Tripolijskaya cerkovnaya rasprya (1887–1890) v kontekste russkogo vliyaniya v Antioxijskom Patriarxate v konce XIX v. (po materialam AVPRI) // *Vestnik Moskovskogo un-ta*. Ser. 13: Vostokovedenie. 2012. № 4. S. 83–94.
4. *Kry'mskij A.E.* Pis'ma iz Livana. 1896–1898. M.: Nauka, 1975. 342 s.
5. *Lisovoj N.N.* Russkoe duxovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. M.: Indrik, 2006. 512 s.
6. *Panchenko K.A.* Vzaimootnosheniya osmanskogo pravitel'stva i pravoslavnoj obshhiny Arabского Vostoka v XVI – nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk. M., 1996. 334 c.
7. *Pravoslavnaya e'nciklopediya*. T. 11. M.: Pravoslavnaya e'nciklopediya, 2006. 752 s.
8. *Xitrovo V.N.* Pravoslavie v Svyatoj Zemle // *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik*. T. 1. Vy'p. 1. / Izdanie V.N. Xitrovo. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1881. 132 s.
9. *Chudinov A.N.* Slovar' inostranny'x slov, voshedshix v sostav russkogo yazy'ka. SPb.: Izdanie V.I. Gubinskogo, 1910. 574 s.
10. *Yakushev M.I.* Antioxijskij i Ierusalimskij patriarxaty' v politike Rossijskoj imperii. 1830-e – nachalo XX veka. M.: Indrik, 2013. 536 s.
11. *Boudinhon A.* «In partibus infidelium». *The Catholic Encyclopedia*. Vol. 8. NY: Robert Appleton Company, 1910. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/08025a.htm>.
12. *Hopwood D.* *The Russian presence in Syria and Palestine. 1843–1914. Church and Politics in the Near East*. Oxford: Clarendon Press, 1969. 232 p.

E.M. Kopot

**The Orthodox Church of Antioch and Russian Presence
in Syria under Patriarch Gerasimos (1885–1891)**

The article is devoted to the activities of the Patriarch of Antioch Gerasimos and Russian influence on the live of Patriarchate in this period. Analysis of materials of Foreign Policy Archives of the Russian Empire allows us to take a fresh look at the problem of Greco-Arab confrontation in Antioch Church, Russian influence on its life and give a more balanced assessment of the personality of the Patriarch Gerasimos, using previously unknown facts from the history of the patriarchal See of Antioch in late 80s – early 90s of the 19th century.

Keywords: Christian East; Russia and the Orthodox East; Syria; the Patriarchate of Antioch; Greco-Arab confrontation in Antioch; the Orthodox Arabs.